

УДК 070.1

DOI: 10.36979/1694-500X-2023-23-2-176-181

ОПЫТ МИФОЛОГИЗАЦИИ И ДЕМИФОЛОГИЗАЦИИ МЕДИЙНОГО ОБРАЗА ВОЕНАЧАЛЬНИКА

Н.Л. Слободянюк

Аннотация. Рассматривается проблема обращения к образу военачальника при формировании определённых установок в социуме. Затронуты вопросы мифологизации и демифологизации образов исторических деятелей как основы для формирования идеологических установок и управления социальной динамикой через конструирование определённого мифологического контекста в медиа- и информационном пространстве. В качестве позитивной мифологемы рассмотрен образ маршала Кирилла Афанасьевича Мерецкова, в качестве динамической модели мифологемы взят образ маршала Жукова. Определяется значение медиатизации исторических образов для современного общества с точки зрения осуществления управления обществом и формирования заданных мифологических и идеологических конструктов. Рассматривается феномен медиатизации исторического контента и исторического образа как инструменты мифологизации социального пространства.

Ключевые слова: медийный образ; мифологизация; демифологизация; медиатизация.

АСКЕР БАШЧЫСЫНЫН МЕДИА ОБРАЗЫН МИФТЕШТИРҮҮ ЖАНА МИФТЕШТИРҮҮДӨН ЧЕТТЕТҮҮ ТАЖРЫЙБАСЫ

Н.Л. Слободянюк

Аннотация. Коомдо белгилүү бир көз караштарды калыптандырууда аскер башчынын образына кайрылуу маселеси каралат. Медиа жана маалымат мейкиндигинде белгилүү мифологиялык контекстти куруу аркылуу идеологиялык көз караштарды калыптандыруу жана социалдык динамиканы башкаруу үчүн негиз катары тарыхый ишмерлердин образдарын мифтештирүү жана мифтештирүүдөн четтетүү маселелери козголду. Позитивдүү мифологема катары маршал Кирилл Афанасьевич Мерецковдун образы, ал эми мифологеманын динамикалык модели катары маршал Жуковдун образы алынган. Коомду башкарууну ишке ашыруу жана берилген мифологиялык жана идеологиялык конструкцияларды түзүү жагынан азыркы коом үчүн тарыхый образдардын медиатизациясынын мааниси аныкталат. Тарыхый мазмунду жана тарыхый образды медиатизациялоо феномени социалдык мейкиндикти мифтештирүүнүн куралы катары каралат.

Түйүндүү сөздөр: медиа образдар; мифтештирүү; мифтештирүүдөн четтетүү; медиатизация.

THE EXPERIENCE OF MYTHOLOGIZATION AND DEMYTHOLOGIZATION MEDIA IMAGE OF THE MILITARY LEADER

N.L. Slobodyanyuk

Abstract. The problem of referring to the image of a military leader in the formation of certain attitudes in society is considered. The questions of mythologization and demythologization of the images of historical figures are touched upon as the basis for the formation of ideological attitudes and the management of social dynamics through the construction of a certain mythological context in the media and information space. The image of Marshal Kirill Afanasyevich Meretskov is considered as a positive mythologeme, and the image of Marshal Zhukov is taken as a dynamic model of the mythologeme. The significance of mediatization of historical images for modern society is determined from the point of view of social management and the formation of given mythological and ideological constructs. The phenomenon of mediatization of historical content and historical image is considered as tools of mythologization of social space.

Keywords: media image; mythologization; demythologization; mediatization.

Медиатизация исторического образа.

Феномен медиатизации истории имеет большое влияние на процессы, происходящие в современном обществе. С ним связаны множество социальных процессов, служащих основой социальных изменений, политических решений, экономических векторов развития общества и государства.

Медиатизация исторического образа является не только частью медиатизации истории в целом, но и самостоятельным инструментом для управления поведением аудитории. В первом случае создаётся общий смысловой контекст в определённом сообществе, являющийся значимым фреймом для осуществления управления социальными, экономическими и политическими процессами и контроля над социальной динамикой и активностью.

Влияние же медиатизированного исторического образа более избирательно и детализировано. Обращаясь не к социуму в целом и коллективному общественному сознанию, его воздействие направлено на заданный сегмент аудитории. Воздействие медиатизированного исторического образа имеет целью влиять на формирование концептуальных общественных и социальных установок, включающих в себя определённое количество абстракций и обобщений. Наличие последних обусловлено характером адресата этого воздействия – тотальностью и несегментированностью.

В задачи медиатизированного исторического образа входит, во-первых, конкретизация общей идеи воздействия. Идея в силу своей абстрактности сложна для усвоения сознанием аудитории. Кроме того, её основные смысловые коннотации не всегда очевидны, а дополнительные значения и смыслы могут препятствовать усвоению нужного содержания и формированию ожидаемых или желаемых установок. Эти коммуникативные сложности решаются через персонализацию идеи – воздействие через конкретный образ, в нашем случае речь пойдёт об образе военачальника. Человек воспринимается, как правило, однозначно, что позволяет привязать к его характеристикам конкретные смыслы транслируемой идеи.

Во-вторых, персонализированный образ включает нерациональные механизмы

восприятия, это делает воздействие на сознание аудитории более эффективным, а его результаты более предсказуемыми.

Третий момент, делающий необходимым использование в контексте масс-медиа мифологизированного образа значимой персоны, – его очевидность и иллюстративность. Становится возможным культивировать определённый требуемый поведенческий шаблон, как следствие формируются необходимые стереотипы мышления и поведения.

Восприятие истории как основополагающего элемента национального самосознания и построенной на нем идеологии в современном мире интенсивных конкурентных информационных потоков постоянно становится мишенью воздействия различных групп влияния, преследующих те или иные цели. Объектами в этом процессе могут стать события, факты, их оценка и различные интерпретации, возможны фальсификации и умолчания, информационная асимметрия и прочие способы управления сознанием аудитории. Эти воздействия могут носить агрессивный характер, будучи направленными на определённую часть общества, они формируют негативный контекст, из которого вытекают деструктивные формы и модели социального и политического поведения. Подобные же интервенции в массовое сознание могут носить оборонительный характер, будучи частью политики информационной безопасности. Одним из наиболее эффективных приёмов конструирования социального контекста, в котором реализуется та или иная модель поведения, становится донесение заданной идеи через персону. Так как ядро современной российской ментальности представлено ведущей идеей славы русского оружия, то и характеристики этой самой персоны определяются в соответствии с этим основным посылом. Существует три уровня персоны: персона – человек, персона – гражданин, персона – государственный деятель.

Эта структура укладывается в идеологическую формулу, предложенную в XIX веке министром народного просвещения, действительным тайным советником, создателем идеологии официальной народности графом Сергеем Семёновичем Уваровым: «За Веру. За Царя. За

Отечество», ставшей ментальной основой идеологии русского мира. «Посреди всеобщего падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, невзирая на повсеместное распространение разрушительных начал, Россия, к счастью, сохранила доселе тёплую веру к некоторым религиозным, моральным и политическим понятиям, ей исключительно принадлежащим. В сих понятиях, в сих священных остатках её народности находится и весь залог будущего её жребия» [1], – пишет С. Уваров 19 ноября 1833 года его Величеству императору Всероссийскому Николаю I.

Медийность мифологемы и образа военачальника. Эта органичная для русского мышления формула в полной мере оправдала себя в годы Великой Отечественной войны. Благодаря ей был создан верный социальный и идеологический контекст, во многом благодаря которому стала возможна Великая Победа, благодаря ей и средствам массовой информации, которые формировали идеологию победителей. Одним из значимых элементов этого процесса был образ советских маршалов как образ идеального государственного деятеля и гражданина. Само звание маршала появляется в тот момент, когда возникла необходимость заявить о военной мощи Рабоче-крестьянской Красной армии в преддверии Второй мировой войны. Она призвана транслировать высшую идею, носителем которой должен стать солдат, образ человека-гражданина. В пособии политрукам «Рабоче-Крестьянская Красная армия» есть пункт «Красноармеец-гражданин», который очень пространно и образно определяет содержание этого образа. Интересно отметить роль СМИ в создании нового человека-гражданина: «В библиотеках и читальнях, военных и общегражданских, красноармеец может всегда получить для чтения книгу, газету, журнал. Между красноармейцами и командиром установлены товарищеские отношения. Во внеслужебное время красноармеец, так же, как и командир, волен в своих действиях, может встречаться с кем хочет, посещать театры, общественные учреждения, лекции, собрания, короче говоря, поступать как полноправный гражданин республики, поскольку его поступки не идут во вред интересам трудящихся и не

подрывают звания красноармейца как гражданина и солдата Красной армии» [2, с. 15]. Идеал виделся следующим: «Советская власть не только не лишает красноармейца гражданских прав, но направляет все силы к тому, чтобы воспитать в красноармейце борца за освобождение трудящихся, сознательного гражданина, ответственного работника и строителя новой трудовой жизни» [2, с. 16].

Таким образом, человек-гражданин – это солдат, а его подвиг ведёт к достижению идеала, а человек-государственный деятель – это военачальник, олицетворяющий все добродетели государственной идеи и власти. Эталонным в этом смысле был образ маршала Жукова. И современная эксплуатация его образа построена по этой же схеме при смене полярности: от идеализации до демонизации. От «Маршала Победы» до «Маршала беды» – приём трансформации прозвища. Лингвистические аспекты этого процесса блестяще рассмотрены в статье Г.А. Копниной «Речевые приёмы дискредитации Маршала Советского Союза Г.К. Жукова в современных масс-медиа» [3].

Образ Жукова можно оценить как сильный, структурированный и при этом достаточно лаконичный и однозначный. Однозначный даже при ожесточённой дискуссии в обществе. Речь идёт об одних и тех же чертах образа, которые в зависимости от ориентированности аудитории меняют оценки на противоположные. Надо упомянуть, что в данном случае речь идёт не о конкретном человеке, не о военачальнике, а о медийном образе как основе мифологической конструкции.

С точки зрения управления восприятием образа внутри мифоконструкции интересно рассмотреть менее используемую и не настолько упрощённую фигуру как основу создания определённой тенденции в социуме. Речь идёт о маршале Кирилле Афанасьевиче Мерецкове, который командовал войсками северных направлений, был на Северо-Западном фронте представителем Ставки и одним из руководителей знаменитой операции «Искра», результатом которой стал прорыв блокады Ленинграда. Мерецков возглавил Карельский фронт, совместно с Л. Говоровым одержал победу над войсками маршала

К. Маннергейма, также на его счету победа над врагом в Заполярье.

Образ маршала Кирилла Афанасьевича Мерецкова – один из самых неоднозначных, с одной стороны, и едва ли не самый очеловеченный среди забронзовевшего пантеона маршалов-победителей – с другой. В этом его притягательность и безусловная сила. И это как раз та черта образа советского солдата, на которую опираются люди, формирующие мнение той или иной аудитории с той или иной целью.

К началу военной карьеры у Мерецкова – безупречный бэкграунд: крестьянское происхождение, четыре класса начальной школы, а затем приобщение к пролетариату и интерес к революционным идеям, связь с большевиками до февраля 1917 года, позже секретарь уездного комитета РСДРП(б) и уже к концу 1917 года он – начальник штаба местного отряда Красной гвардии, а в 1918-м воюет с белыми, получает три ранения и дослуживается до начальника штаба дивизии, дальше Военная академия РККА и командование 1-й Томской кавалерийской дивизией, через двенадцать лет он – начальник штаба Белорусского военного округа, служит под командованием И. Уборевича, расстрелянного в июне 1937 года. Это знакомство не стало фатальным для будущего маршала, человека, под влиянием которого сформировалась личность Мерецкова-маршала. По его словам: «Уборевич был чрезвычайно требователен к себе и к подчинённым, в суждениях принципиален, в работе – точен. Свои действия и поступки он рассчитывал буквально до минуты. Такой же точности в работе требовал и от подчинённых... Иероним Петрович был высокообразованным человеком. Он хорошо знал художественную литературу и искусство, отлично разбирался в общих технических вопросах, упорно работал над развитием военной мысли [4], а Сталин после ареста военачальника наставлял Мерецкова «учить войска так, как вы учили их при Уборевиче». Причина ареста наставника Мерецкову была не ясна, всё говорило о том, что «якобы Уборевич, как и другие военные деятели, был ненадёжен»[4].

Всё начало проявляться уже после начала Отечественной войны. К июню 1940 года военная карьера Мерецкова была на подъёме, он

одновременно с Георгием Жуковым получает звание генерала армии, а через месяц становится начальником Генштаба РККА и заместителем наркома обороны. Вместе с этим у Мерецкова появились шансы стать одной из ключевых фигур в государстве, наряду с будущим маршалом Победы Жуковым. Но Мерецкова арестовывают на следующий день после начала войны. Создаётся ощущение, что это был своего рода воспитательный акт со стороны руководства государства. Мерецков исчезает на 74 дня, а затем, после внезапного освобождения в сентябре 1941-го, он вновь появляется в качестве будущего победителя, на которого страна в лице своего вождя возлагает огромные надежды: «Уважаемый Кирилл Афанасьевич! Дело, которое поручено Вам, является историческим делом. Освобождение Ленинграда, сами понимаете, – великое дело. Я бы хотел, чтобы предстоящее наступление Волховского фронта не разменивалось на мелкие стычки, а вылилось бы в единый мощный удар по врагу. Я не сомневаюсь, что Вы постараетесь превратить это наступление именно в единый и общий удар по врагу, опрокидывающий все расчёты немецких захватчиков. Жму руку и желаю Вам успеха. И. Сталин». 29 декабря 1941 года [5]. Это письмо стало фактически фундаментом, на котором выстраивался образ одного из будущих маршалов Победы, маршала северных направлений. Одним из важных штрихов в образе Мерецкова стал выход номера газеты «Красная звезда», которая была одним из важнейших орудий будущей Победы, 11 декабря 1941 года. Это был номер, вышедший с новым лозунгом: «Смерть немецким оккупантам!», до этого лозунгом были знаменитые «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». На передовой странице был портрет генерала армии К.А. Мерецкова, а за ним следовал портрет генерал-лейтенанта Ф.Я. Костенко. Изображения были помещены в окружении красноречивых заголовков, становящихся характеристиками образов. Справа от названия газеты и нового лозунга, над фотографиями Мерецкова и Костенко: «Вслед за Ростовом и Тихвином войска Красной армии отбили у фашистов гор. Елец. Честь и слава доблестным воинам, освобождающим советские города и сёла от немецких оккупантов!». Справа: «Ещё

две победы наших войск», под фотографиями: «От советского Информбюро» и «Ещё удар по войскам врага». Но это был образ идеального солдата, а не солдата идеологии. Мемуары Мерецкова становятся своего рода кодексом чести такого солдата.

После смены идеологической парадигмы, когда многие мифологемы меняли полярность, образ Мерецкова не подвергся кардинальным трансформациям, приобретая трагические и романтические ноты. Безусловно, информационные процессы нашего времени сложны. Так, например, исследователь жизни И.В. Сталина, правда не отличающийся беспристрастностью, Александр Бушков обвиняет Мерецкова в том, что маршал был тщательно законспирированным немецким «агентом влияния» [6]. Настолько тщательно, что автор не потрудился привести ни факты, ни доказательства своих обвинений. Но тем не менее подобные тексты становятся частью информационного пространства и определённым образом влияют и на аудиторию, и на процессы, происходящие в обществе, формируя и консолидируя вокруг себя протестную часть социума. То есть подобные тексты являются инструментом формирования мифологии определённого толка, которая при стечении обстоятельств может стать социальной реальностью.

В русле общей тенденции к исторической рефлексии и построению новой мифологии образ Мерецкова романтизируется, приобретая качества романтического героя-борца за справедливость, страдающего, ищущего и борющегося. Этому способствовала сама личность Мерецкова, ставшего весьма популярным в современном медийном пространстве. Мерецков – «невинная жертва», заголовок статьи Ю.И. Мухина становится определяющим для характеристики восприятия образа маршала северных направлений. Автор, «фальсификатор и нацист», по версии редакции онлайн-журнала «Логика прогресса» [7], как и Букашев, занимает негативную позицию по отношению к Мерецкову. Он задаётся вопросом: «То есть Мерецков накануне войны, составляя мобилизационный план, не только умышленно лишил РККА тягачей и автомобилей, но он лишил её и самых массовых артиллерийских орудий – дивизионных. Но если Мерецков за

подобную измену был прощён, то что же совершили те, кого расстреляли?» [8]. Любопытная для анализа подобная общественная дискуссия как с содержательной, так и инструментальной точки зрения, но масштаб данной работы не позволяет более детально остановиться на этой проблеме. Однако суть образа сформулирована точно, стоит только отбросить кавычки, Мерецков – невинная жертва.

К этому образу сходится большая часть публикаций о маршале. Следует отметить ряд текстов в ведущих медиа, которые, возвращаясь к образу маршала, пытаются восстановить парадигму национальных ценностей. Одна из подобных публикаций – статья Андрея Сидорчика в газете «Аргументы и факты» «От пыток до ордена «Победа». Большая война маршала Мерецкова» как попытка восстановить историческую справедливость и разобраться в человеческой трагедии.

Выводы. История и интерпретация истории становятся актуальным контентом современности, аккумулируя основную идеологическую составляющую, действующую как катализатор социальных, экономических или политических процессов. История и её интерпретации кристаллизуются в виде мифологем и иных мифоконструкций, оказывающих непосредственное влияние на сознание аудитории, её мировоззрение и ведущие установки и убеждения.

Кроме того, семантика этих конструктов позволяет сакрализировать и десакрализировать тот или иной источник власти, осуществляющий управление либо данным сегментом общества, либо обществом в целом.

Масштабы современного информационного существования социума предполагают интеграцию источников власти и медиа – как традиционных, так и новых. Этим продиктована необходимость обращения к специфической символизации коммуникативного пространства. Основой этой символизации является обширное пространство исторических мифов, которые, испытывая на себе последствия медиатизации социального и политического поля, формируют специфический язык коммуникации, характерный для современного медиапространства. Одним из наиболее эффективных является медиатизированный

образ исторической личности, позволяющий транслировать на личностном, эмоционально окрашенном уровне модели поведения, формируя при этом подвижную систему ценностей, меняющуюся в зависимости от динамично эволюционирующего социального запроса.

Таким образом, мифологизированный образ военачальника, оказавшись в медиасреде, обладая сильными архетипическими характеристиками, становится эффективным способом трансляции актуальных социальных установок, а сама проблема его функционирования и прикладного применения представляется чрезвычайно важной в сложившейся в социуме ситуации.

Поступила: 13.12.22; рецензирована: 27.12.22;
принята: 29.12.22.

Литература

1. Уваров С.С. О Национальной Идее Российской // Публикуется по изданию: Река времен / С.С. Уваров. М., 1995. С. 70–72. URL: <https://zaweru.ru/1359-.html> (дата обращения: 02.01.2022).
2. Рабоче-крестьянская Красная армия. Серия пособий политрукам к политуставу. Вып. 1. / Высший военный редакционный совет; составил Д. Кин. 1922.
3. Копнина Г.А. Речевые приёмы дискредитации маршала Советского Союза Г.К. Жукова в современных масс-медиа / Г.А. Копнина // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 3. С. 87–99. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41271441_92618234.pdf (дата обращения: 02.01.2022).
4. Мерецков К.А. Годы совместной службы // Командарм Уборевич. Воспоминания друзей и соратников / К.А. Мерецков. М., 1964. URL: <http://coollib.com/b/316485/read> (дата обращения: 22.01.2022).
5. Мерецков К.А. На службе народу / К.А. Мерецков. М.: Политиздат, 1968. URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/meretskov/index.html> (дата обращения: 22.01.2022).
6. Бушков А. Сталин: Ледяной трон / А. Бушков. СПб.: Изд. дом «Нева», 2005.
7. Фальсификатор Юрий Мухин. Логика прогресса. 2 ноября 2019 года. URL: <https://logikaprogressa.com/propaganda-stalina/yuriy-muhin.html> (дата обращения: 22.01.2022).
8. Мухин Ю.И. Мерецков – «невинная жертва» // Почему народ за Сталина / Ю.И. Мухин. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/M/muhin-yurij-ignatjevich/pochemu-narod-za-stalina> (дата обращения: 22.01.2022).
9. Сидорчик А. От пыток до ордена «Победа». Большая война маршала Мерецкова / А. Сидорчик // Аргументы и факты. URL: https://aif.ru/society/history/ot_pytok_do_ordena_pobeda_bolshaya_voyna_mereckova (дата обращения: 22.01.2022).